

Три спектакля

Все театры нашей страны — и профессиональные, и самодеятельные — отметили юбилей великого русского драматурга А. Н. Островского новыми постановками его пьес. Чкаловский областной драмтеатр им. А. М. Горького приурочил к юбилейным дням постановку «Последней жертвы» (режиссер И. Щеглова) и кроме того заново поставил «Без вины виноватые» (режиссер А. Бурин). До сих пор идет «Лес» (режиссер В. Менчинский).

Все эти пьесы относятся ко второму периоду творчества Островского (70—80 годы), когда его сатирический гений был направлен с одной стороны на изображение паразитизма и крайней моральной деградации дворянства, а с другой — на изображение вытеснявшей дворянство буржуазии с ее бездушием и бестрепетным попранием всего человеческого во имя чистогана.

Что касается дворянского сословия, то в «Последней жертве» оно представлено бессовестным прожигателем жизни Дульчиным, в пьесе «Без вины виноватые» — наглым мерзавцем Муровым, в «Лесе» — глупой, сластолюбивой и бесцердечной ханжой Гурмыжской и ее почтителем — высокопарным болтуном Милоновым. Из лиц купеческого звания, выведенных в тех же пьесах, примечательны две фигуры, знаменующие разные стадии в эволюции российского купечества: с одной стороны — неотесанный купчина первичной формации Восьмибратов («Лес»), откровенно сознающийся в своей жадности и «невежестве», с другой — «цивилизованный» комиссар Прибытков («Последняя жертва»), старик с «молодыми капризами», весьма тонко, умно и «деликатно» покупающий себе молодых, интересных женщин. Прибытков — театрал, и в этом отношении к нему приближается богатый барин и «просвещенный меценат» Дудукин («Без вины виноватые»), избравший своей «специальностью» — «услаждать» жизнь артистов и, прежде всего, конечно, артисток.

Пьеса «Без вины виноватые», как и некоторые другие пьесы Островского из

актерской жизни, может служить прекрасной иллюстрацией к известным словам Ленина: «Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа». Богач Муров, отвергнутый Кручинной — женщиной, обращается с самыми недвусмысленными предложениями к Кручинной-актрисе, прибегая при этом к угрозам. И нужно было быть Кручинной с ее моральной стойкостью, чтобы не испугаться этих угроз. Зато на одну Кручинну приходилось десятки актрис вроде Коринкиной, которая готова поступиться чем угодно, лишь бы не разгневать местных богатеев и тем самым не повредить своему бенефису. Примером утраты человеческого и профессионального достоинства может служить также актер Шмага из той же пьесы.

Вообще говоря, пагубная власть денег, показ которой был едва ли не основной темой драматургии Островского, достаточно рельефно продемонстрирована и в данных его пьесах. Юлия Тугина подвергает себя предельному унижению перед Прибытковым из-за шести тысяч, которые нужны ей для «спасения» ее беспутного возлюбленного. Аксюша («Лес») не может выйти замуж за любимого человека без приданого в две тысячи рублей и прямо заявляет, что от этой суммы зависит ее счастье и жизнь.

И велика была любовь Островского к тем людям, которые не поддавались тлетворной власти денег и сохраняли свое человеческое достоинство, — к людям чистой души и горячего сердца. Именно от этой любви рождался у Островского тот светлый романтизм, которым овеяны у него подобные люди, являющиеся его подлинными героями. Это — та же Аксюша, над душой которой деньги не властны. Они могут исказить ее судьбу, но не душу, которая остается неподкупной. Она так и говорит пристающему к ней барчуку Буланову: «Иное можно купить за деньги, а другое нельзя». Замечатель-

образ ее великодушного покровителя — Геннадия Несчастливцева, этого благородного романтика на сцене и в жизни. Покидая усадьбу Гурмыжской, он дает ей и ее окружению, всем этим «совам и филинам», гневную отповедь, изобличая их в эгоизме и лицемерии.

Страстным протестантом против социальной неправды выступает и Григорий Незнамов («Без вины виноватые») с его молодой, но израненной душой, страдающей от каждого неосторожного прикосновения к ней. Великий драматург-гуманист вскрыл в этой пьесе трагедию «незаконно-рожденного» юноши, такую странную на наш теперешний взгляд, но столь реальную когда-то. Вместе с тем глубоко правдиво показана здесь психология несчастного материнства, которое там, где судьбы людей определялись «господином Купоном», не могло не подвергаться тягчайшим испытаниям.

Несколько спорными, на первый взгляд, могут показаться (в смысле их моральной оценки) некоторые персонажи «Последней жертвы». Это потому, что Островский не упрощал жизнь и не давал голых схем. Типичное он показывал в сугубо конкретном. Жизнь играет у него всеми своими красками и цветами, но как бы ни были они подчас сложны и причудливы, Островский никогда не заслонял ими социологически четкого рисунка пьесы, продиктованного ему жизненной правдой. Юлия Тугина, конечно, не Катерина и не Лариса. Это — купеческая вдова, которая по общему своему уровню не очень выделяется из своей среды. Тем не менее Тугина принадлежит к числу лучших женских образов Островского, поскольку и в этой среде она сохраняет живую и чистую душу, способную к сильной, самоотверженной любви и не менее глубокому страданию, когда любовь ее оскорблена и обманута. С другой стороны, Флор Федулч Прибытков — очень своеобразный старец, такой выдержанный, корректный и мягкий в обращении. Но у него — в погоне за поразившей его женщиной — трезвая выдержка и точный расчет, и уже самая фамилия этого толстосума, равно как и первоначальные заглавия пьесы («Попечители» или «Жертва века»), не оставляют никакого сомнения насчет того, как надлежит трактовать этого старца и каков истинный смысл одержанной им «победы».

За время своего существования областной драмтеатр ставил пьесы Островского почти ежегодно и таким образом накопил себе в отношении их сценического воплощения довольно большой опыт, который, естественно, сказался на качестве рецензируемых спектаклей, имеющих у зрителя заслуженный успех.

Наиболее яркий из них — «Последняя жертва». Спектакль смотрится с неослабным и местами захватывающим интересом, что объясняется не только исключительными достоинствами пьесы (одной из самых замечательных у Островского), но также удачным распределением основных ролей, — распределением и исполнением.

Очень искренне и проникновенно, с подлинным вживанием в роль, играет Юлию Тугину артистка И. Ф. Щеглова, обнаруживая вместе с тем большое и тонкое мастерство во внешней отработке роли и всех ее деталей. В некоторый минус артистке можно вменить разве лишь то, что она, стремясь к наибольшей психологизации образа Юлии, несколько переусложнила его. Другая исполнительница той же роли артистка М. П. Гермацкая дает более простой образ, но ей не хватает того драматизма переживаний, какой есть у Щегловой.

В роли Прибыткова превосходен заслуженный артист РСФСР В. И. Агеев, ведущий ее с большим тактом и подлинным чувством меры. Сохраняя всю присущую образу Прибыткова внешнюю «соятельность» и степенную благопристойность, он вместе с тем обнаруживает, где нужно, купеческие «коготки», создавая в конечном счете надлежащий образ хищника с бархатными лапами.

Верный по рисунку образ дает и заслуженный артист РСФСР М. А. Куликовский в роли Дульчина, располагающий всеми необходимыми для нее внешними данными. Хотелось бы только, чтобы игра его в этой роли была более «легкой» и эластичной, более богатой нюансами.

Успеху спектакля «Последняя жертва» немало содействует артистка А. П. Арапова, создавшая великолепный образ свахи Глафиры Фирсовны, мастерски выдержанный в стиле «крупного комизма», столь характерного для театра Островского в

отношении подобных персонажей. Это едва ли не лучшее из достижений талантливой актрисы. Хороша и тоже стильная по Островскому артистка М. И. Бородина в роли ключницы Михевны.

Очень сочен и натурален артист Н. Н. Талюра в роли бонвивана и сибарита Лавра Миронича Прибыткова. Хотелось бы, чтобы на таком же уровне было исполнение роли и его дочери Иреня, столь близкой ему по духу. К сожалению, молодая актриса Н. В. Кострюкова ведет эту роль довольно трафаретно и как-то принужденно, без того комедийного блеска, которого вправе ожидать зритель от этого персонажа. Зато другой комедийный персонаж той же пьесы — Дергачев получил хорошего исполнителя в лице артиста П. П. Тарасова, сумевшего найти для этой роли новые штрихи и краски, отличные от тех, к каким он обычно прибегает в своей комедийной практике. Неплохо справляется с той же ролью, в качестве дублера, молодой актер Р. Б. Растинин.

Обращаясь к двум другим спектаклям, следует прежде всего отметить превосходную игру заслуженной артистки РСФСР А. Я. Садовской, продемонстрировавшей широту своего артистического диапазона и филигранность своего мастерства в двух совершенно различных аспектах: отрицательном (Гурмыжская в «Лесе») и положительном (Кручинина в «Без вины виноватые»).

Вообще говоря, настоящие спектакли послужили своеобразным смотром актерских дарований театра в различных их гранях. Так, артист А. М. Побеголов с одинаковым успехом играет как Несчастливцева в «Лесе», так и Мурова в «Без вины виноватые».

Многие из актеров и актрис, занятых в «Последней жертве», с меньшим, а иные и с большим успехом фигурируют и в других спектаклях Островского. Так, артистка М. П. Гермацкая создала трогательный и поэтический образ Аксюши в «Лесе», артист Н. Н. Талюра в той же пьесе дал интересный облик купца Восьмибратова, артистка А. П. Арапова еще раз блеснула своей способностью к сценическому перевоплощению в роли Улиты, а артист Р. Б. Растинин не спавал перед ролью Милонова, несмотря на малое соответствие по своему росту

и возрасту. Артист В. П. Бросевич достаточно дифференцированно подошел к двум ролям, в исполнении которых легко сбиться на один «лад» — недоучившегося гимназиста Буланова («Лес») и провинциального актера-любовника Миловоорова («Без вины виноватые»). К сожалению, артист П. П. Тарасов не делает никакой разницы между Шмагой и Аркадием Счастливым и к тому же излишне окарикатуривает их.

Жаль также, что такому квалифицированному и опытному актеру, как артист А. В. Моревский, не совсем задалась роль Дудукина, который у него несколько однотонен и не несет в себе в надлежащей мере той «благодушной» и широкой барственности, какая должна быть присуща этому персонажу. Зато артистку В. М. Шатрову можно поздравить с первой серьезной удачей в репертуаре Островского. Роль Коринкиной, этой закулисной интриганки и «львицы», она исполняет с тем самым «комедийным блеском», отсутствие которого обесценило роль Ирины в «Последней жертве».

Ответственную роль Незнамова с большим темпераментом исполняет артист М. П. Чаров, которому вообще удаются образы протестантов, исполненных обличительного пафоса. Но он несколько упрощает эту роль, делая ее слишком прямой и однолинейной. Островский считал, что «Незнамова очень трудно играть... Он является полупьяным, с дерзким видом, но дерзость у него ступенчатая некоторым конфузом... И в саркастической улыбке у него проглядывает румянец юности и конфуза». Вот этого «румянца юности и конфуза» Незнамову Чарову не хватает.

Все три спектакля хорошо оформлены художниками С. Александровым («Последняя жертва» и «Лес») и Д. Фомичевым («Без вины виноватые»), проявившими в этом деле присущую им добросовестность, большой вкус и любовь к Островскому.

В общем следует признать, что Чкаловский областной драмтеатр отметил юбилей Островского полномерно и достойно. Пожелаем же ему дальнейших успехов в освоении наследия великого русского драматурга.

И. ПРЯНИШНИКОВ,

25/10/78